РАЗСКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВЪ О ПРОѢЗДѢ ЧЕРЕЗЪ ЯКШУРЪ-БОДЬЮ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ВЪ 1824 ГОДУ И НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ВЪ 1837 Г.

ВЪ ЯНВАРѢ 1895 года, въ селѣ Якшуръ-Бодьѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи, умеръ бѣдный крестьянинъ, вотякъ, почти девяностолѣтній старикъ—Тимоѳей Ивановъ, по прозванью Бигеней.

Бигеней лѣтъ шестьдесятъ назадъ удостоился чести разговаривать съ его императорскимъ высочествомъ государемъ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ, проѣзжавшимъ въ 1837 году чрезъ Якшуръ-Бодью въ Ижевской заводъ. А двѣнадцать лѣтъ раньше этого Бигеней имѣлъ счастье видѣть его императорское величество государя императора Александра Павловича, тоже проѣзжавшаго чрезъ Якшуръ-Бодью въ Ижевской заводъ и чрезъ нѣсколько дней прослѣдовавшаго обратно.

Объ этихъ-то двухъ событіяхъ мы и хотимъ разсказать здѣсь то, что сами узнали изъ разсказовъ Бигенея и только частью отъ другихъ стариковъ здѣшней волости.

Въ тѣ времена, къ которымъ относится нашъ разсказъ, въ Якшуръ-Бодьѣ самымъ зажиточнымъ крестьяниномъ считался отецъ Тимоѳея—Иванъ Герасимовъ. Поэтому и домъ у него былъ больше и лучше, чѣмъ дома у другихъ вотяковъ.

Такъ какъ императору Александру I въ Якшуръ-Бодьѣ по маршруту оказывалось нужнымъ сдѣлать остановку для обѣда или завтрака, то и квартира для его остановки назначена была въ домѣ того вотяка—Ивана Герасимова Бигенея. Въ томъ же домѣ, чрезъ

12 слишкомъ лѣтъ послѣ этого, останавливался ненадолго и Александръ Николаевичъ, бывшій тогда еще наслѣдникомъ русскаго престола.

Въ то время Тимоѳею Иванову Бигенею [1]) было около 25 лѣтъ, въ проѣздъ же Александра Благословеннаго—12—13 лѣтъ.

Тимоѳей оба эти событія помнилъ прекрасно. Онъ охотно и съ удовольствіемъ разсказывалъ всѣмъ и каждому о проѣздѣ чрезъ Якшуръ-Бодью, по его выраженію—«царя батюшки» и «царя батюшки наслѣдника».

И намъ приходилось не однажды слышать разсказы Бигенея, но, необходимо сознаться, дослушивать ихъ до конца терпѣнья нашего не хватало, тѣмъ болѣе, что мысль записать его разсказы намъ пришла только въ началѣ 1895 года. Но Бигеней, къ сожалѣнію, незадолго передъ тѣмъ умеръ.

Такимъ образомъ, намъ пришлось возстановлять въ своей памяти все то, что довелось въ разное время слышать отъ покойнаго Бигенея. Нѣкоторые же пробѣлы мы пополняли свѣдѣніями, почерпнутыми изъ другихъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ источниковъ: отъ родственниковъ Бигенея и отъ другихъ лицъ, много разъ слышавшихъ его разсказы.

Мы старались передать буквальный смыслъ разсказовъ Бигенея, приводя подлинныя слова его, гдѣ это только оказывалось возможнымъ.

I.

О проѣздѣ государя императора Александра Павловича чрезъ Якшуръ-Бодью жителямъ этого и другихъ ближайшихъ къ тракту селеній извѣстно стало въ концѣ, а, можетъ быть, даже еще въ срединѣ августа мѣсяца, то-есть задолго до самаго проѣзда.

И все это время, до 3 октября, мѣстные крестьяне и сельское начальство ожидали и по мѣрѣ возможности готовились къ встрѣчѣ державнаго путешественника.

Впрочемъ, крестьяне вотяки никакихъ особенныхъ приготовленій не могли предпринимать. Да и какія въ самомъ дѣлѣ могутъ быть особенныя приготовленія къ встрѣчѣ своего царя батюшки, какъ вообще у крестьянъ, такъ въ особенности у инородцевъ и такихъ притомъ, которые съ давнихъ поръ крѣпко засѣли въ своихъ глухихъ селеніяхъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ обширными, дремучими лѣсами, все одно, что стѣнами, въ каковыхъ условіяхъ оказывались, напримѣръ, здѣшніе вотяки въ то минувшее время. Тогда почти каждый изъ нихъ, проживъ цѣлую жизнь, не бывалъ дальше своего села, отстоявшаго обыкновенно въ 40—60 и болѣе верстахъ отъ мѣста ихъ жительства.

---

[1]) Прозваніе—Бигеней—вотское языческое имя, принадлежавшее отцу Тимоѳея, а послѣднему оно привилось уже въ видѣ прозванья.

Однако, ни отъ русскихъ крестьянъ, ни тѣмъ болѣе отъ вотяковъ, никто и никакихъ собственно приготовленій не ожидалъ и не требовалъ. А потому всѣ ихъ приготовленія ограничивались только тѣмъ, что они, да и то не по ихъ собственной иниціативѣ, а по приказанію и распоряженію начальства, исправили трактъ и мосты на немъ и другія сооруженія; затѣмъ дорога обильно засыпана была пескомъ и галькой. Конечно, при этомъ вся дорога была выровнена, всѣ ямы и многочисленныя выбоины засыпаны, а грязныя и топкія мѣста уложены фашинникомъ, тоже засыпаннымъ толстымъ слоемъ песку съ галькой.

Тогда же, судя по объясненію нѣкоторыхъ стариковъ, была значительно расширена лѣсная дорога отъ Якшуръ-Бодьи до Ижевскаго завода на всемъ сорока-двухъ-верстномъ разстояніи, бывшая передъ тѣмъ до того узкою и неудобопроѣздною, что при встрѣчахъ трудно было разъѣзжаться двумъ одноколкамъ, которыя тогда употреблялись для ѣзды лѣтомъ всѣми вотяками. Къ описываемому же времени относится и обсадка березами всего Глазовско-Ижевскаго тракта, проходящаго чрезъ Якшуръ-Бодью.

Замѣчательно то, что якшуръ-бодьинскіе крестьяне и другихъ ближнихъ селеній исправляли дорогу и обсаживали ее березками не у себя дома, или по близости своихъ селеній, а вызывались для этого на сибирскій трактъ подъ село Дебесы и далѣе, то-есть за 100—120 и болѣе верстъ отъ своихъ жилищъ.

Станціи же между Чутыремъ и Якшуръ-Бодьей и между послѣдней и Ижевскимъ заводомъ исправлялись крестьянами теперешней Козловской и Галановской волостей, или тогдашняго Галановскаго приказа.

Всѣмъ жителямъ очень хотѣлось «хоть однимъ глазомъ», какъ говорится, взглянуть на своего царя батюшку, а потому они и ожидали его пріѣзда съ большимъ нетерпѣньемъ.

Но и ожидая царя батюшку, многіе въ то же время побаивались тѣхъ или иныхъ дурныхъ послѣдствій. Времена тогда были темныя, а начальство, мелкое и покрупнѣе, оказывалось строгимъ, крутымъ и суровымъ. Многіе представители власти пользовались всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы какъ нибудь притѣснить и безъ того забитыхъ и почти беззащитныхъ крестьянъ и содрать съ нихъ «двѣ шкуры» или выжать изъ нихъ «ребятишкамъ на молочишко».

Случись что либо непріятное во время проѣзда государя императора, тогда крестьянамъ долго пришлось бы отдуваться своими тощими, но въ общей массѣ не истощимыми карманами, такъ какъ въ этомъ случаѣ вся бѣда, какъ весьма естественно могли предполагать крестьяне, должна была всецѣло обрушиться на ихъ головы. Эти соображенія и были основаніемъ для боязни и трепета предъ могущими быть дурными послѣдствіями.

Для остановки государя императора въ Якшуръ-Бодьѣ квартира назначена была въ домѣ мѣстнаго богача-вотяка — Ивана Гераси-

мова Бигенея, которому начальство приказало содержать свой домъ какъ можно чище и опрятнѣе. Кромѣ того, всѣмъ жителямъ Бодьи и прочихъ селеній, лежащихъ на тракту, начальствомъ весьма строго внушено было, чтобы они улицы селеній содержали въ чистотѣ, и чтобы по улицамъ не шлялся никакой домашній скотъ, а особенно птицы и разныя мелкія домашнія животныя—овцы, свиньи, собаки, которыя наиболѣе способны пугаться и производить суматоху и безпорядокъ. Запрещено было и маленькимъ ребятамъ бѣгать по улицамъ.

Эти странныя на первый взглядъ распоряженія дѣлались съ тою цѣлью, чтобы предотвратить по возможности испугъ лошадей, на которыхъ поѣдетъ Александръ Павловичъ.

Съ этою же цѣлью мѣстные, какъ, вѣроятно, и вездѣ, крестьяне нѣсколько недѣль подъ рядъ готовили или обучали, какъ они говорятъ, своихъ лошадей къ быстрой ѣздѣ, днемъ и ночью, въ совершенной темнотѣ и съ освѣщеніемъ. Ученье лошадей производилось такъ: запрягалось одновременно до полсотни и болѣе лошадей тройками, четверками, пятерками, потомъ при громкихъ и нескладныхъ крикахъ массы народа, съ сильнымъ хлопаньемъ бичами и даже съ ружейными выстрѣлами, мчались во всю прыть въ ту или другую сторону и возвращались такимъ же манеромъ обратно домой. Ночью, сверхъ всего этого, по краямъ дороги раскладывались и зажигались большіе костры.

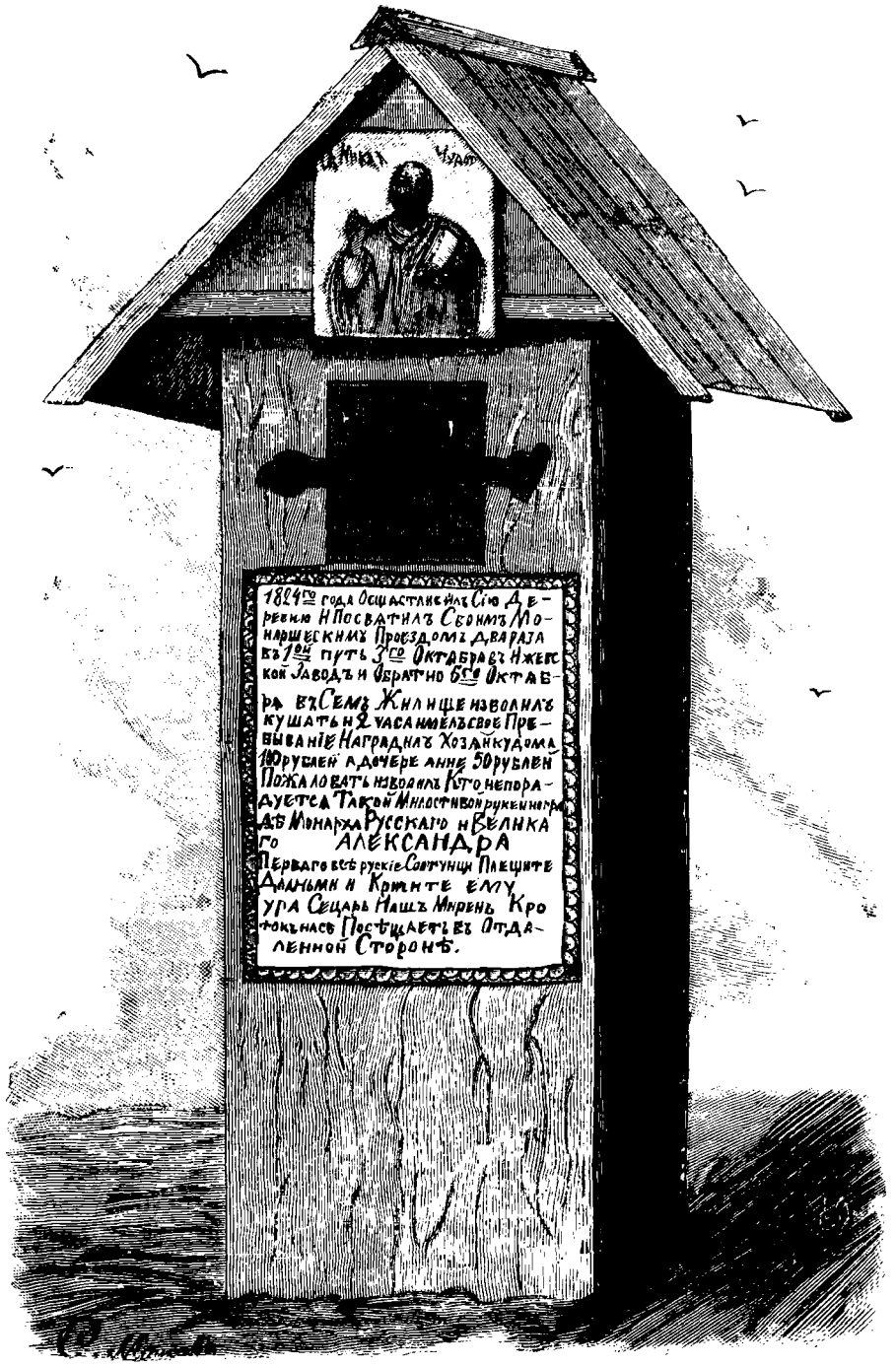
Эти шумныя и странныя, а ночью принимавшія фантастическую окраску, скачки производились изо-дня въ день въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, или, нѣсколько больше, начавшись еще до Семенова дня, а окончились онѣ наканунѣ самаго дня проѣзда государя императора.

Наконецъ, пришелъ давно жданный день, въ который долженъ былъ прослѣдовать чрезъ Якшуръ-Бодью Александръ Благословенный.

Въ этотъ день всѣ жители ближайшихъ селеній съ ранняго утра собрались въ Якшуръ-Бодью почти поголовно. Никому не хотѣлось пропустить этотъ чрезвычайно рѣдкій моментъ, всякій желалъ непремѣнно взглянуть на своего батюшку царя.

И весь собравшійся народъ постарался, конечно, пріодѣться почище, въ лучшія свои національныя вотскія одежды, а женщины надѣли и всѣ свои украшенія. Мужской вотскій костюмъ немногимъ отличается отъ костюма русскаго крестьянина и только по цвѣту—верхняя одежда ихъ по большей части шьется изъ тонкой бѣлой или свѣтло-сѣрой сукманины, матеріи домашняго приготовленія изъ шерсти и льна или пеньки. Но зато женскій костюмъ отличается большей оригинальностью, а украшенія или разные уборы бываютъ очень богаты. Всѣ они обязательно состоятъ изъ нанизанныхъ наподобіе рыбьей чешуи разныхъ серебряныхъ монетъ.

На головѣ вотянками носится «налобникъ», или «такья», которая состоитъ изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ—гривенниковъ, пя-



Памятникъ въ с. Якшуръ-Бодьѣ, поставленный въ воспоминаніе проѣзда императора Александра Перваго.

тіалтынныхъ, двугривенныхъ, и только по краямъ «такьи» у нѣкоторыхъ нанизываются, въ видѣ опушки или каймы, болѣе крупныя монеты—четвертаки и проч. Такья надѣвается, какъ шапка, а сверхъ нея повязывается платокъ такъ, чтобы передняя часть такьи, на лбу, оставалась видною.

На груди носится «нагрудникъ» или «кироскалъ», «крескалъ» (отъ слова крестъ, произносимаго вотяками «кресъ» и «киросъ»). Это—лента $1^1/_2$ аршина длиной, на нее нанизываются серебряные рубли въ одинъ, два и болѣе рядовъ, а посрединѣ крестъ. Концы ленты завязываются на тыльной сторонѣ шеи. Къ каждому уху вотячки подвѣшиваютъ по одному или по два рублевика, это—«пель люгы»; наконецъ, ими носится и въ косѣ по нѣскольку рублевиковъ и другихъ монетъ—«ирсъ пунэтъ».

Толпы такъ своеобразно разряженныхъ вотянокъ и вотяковъ, собравшихся въ Якшуръ-Бодью въ большомъ числѣ, «какъ на ярмарку», представляли изъ себя чрезвычайно пеструю, шумную, постоянно движущуюся и нелишенную живописности картину. Кромѣ обыкновеннаго шума и гортаннаго говора, изъ многолюдной толпы явственно выдѣлялся чрезвычайно характерный лязгъ или звонъ множества ударяющихся одна о другую серебряныхъ монетъ въ кироскалахъ и въ ирсъ-пунэтъ вотянокъ. И чѣмъ толпа болѣе двигалась и волновалась, тѣмъ болѣе и сильнѣе она шумѣла, тѣмъ сильнѣе раздавался лязгъ и звонъ металла. При этомъ толпа все продолжала увеличиваться и расти, двигаясь и разбиваясь на отдѣльныя группы, которыя отдѣлялись и подходили то къ одному, то къ другому, то къ третьему столу, поставленному у чьихъ либо воротъ и накрытому бѣлою скатертью.

Столы выставлены были у воротъ или подъ окнами каждаго дома Якшуръ-Бодьи, какъ и въ другихъ селеніяхъ, стоящихъ на тракту, по которому въ этотъ день проѣзжалъ государь императоръ.

На каждомъ столѣ хозяевами были положены и поставлены каравай чернаго хлѣба, солонка съ солью и бутылка «кумышки» [1]).

Время между тѣмъ шло. Солнце уже приближалось къ полудню. А толпа все еще росла, увеличивалась, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались шумъ, говоръ и смѣхъ, бряцанье и лязгъ массы серебряныхъ монетъ. Нѣкоторые старики въ то время не забывали, впрочемъ, внимательно и пристально вглядываться къ сѣверу, то-есть въ ту сторону, откуда ожидалось прибытіе государя императора, а главнымъ образомъ на ту часть тракта за деревней Якшуромъ, которая (часть тракта) видна изъ Якшуръ-Бодьи, потому что въ этомъ мѣстѣ трактъ заворачивается и идетъ съ запада на востокъ, спускаясь

---

[1]) Кумышка—вотскій національный спиртный напитокъ въ родѣ водки, приготовляемый домохозяиномъ вотякомъ на домашнемъ винокуренномъ аппаратѣ самой примитивной и первобытной конструкціи.

постепенно съ довольно высокаго увала или съ «Мыса» къ деревнѣ Якшуру, отстоящей въ 2½ верстахъ отъ Якшуръ-Бодьи.

Около самаго полудня болѣе зоркіе изъ стариковъ замѣтили, наконецъ, что съ «Мыса» какъ будто спускается къ Якшуру одинъ экипажъ, запряженный нѣсколькими лошадьми. Тогда въ толпѣ народа послышались громкіе и возбужденные крики:

— Калленъ!.. Инкэсяськэ!.. Мынэ! Мынэ! (Тише! не кричите! Ѣдетъ! Ѣдетъ!).

И чрезъ минуту весь народъ зналъ, что къ Якшуру подъѣзжаетъ государь, а потому скоро будетъ и здѣсь. Шумъ почти совсѣмъ утихъ, толпа народа замерла по сторонамъ улицы, оставивъ средину ея свободною для проѣзда.

Спустя четверть часа, экипажъ показался передъ Якшуръ-Бодьей и въѣхалъ въ улицу. Въ толпѣ моментально водворилась мертвая тишина. Всѣ сняли шапки, притаили дыханіе и съ любопытствомъ разглядывали единственнаго сѣдока, ѣхавшаго въ экипажѣ. Сѣдокъ оказался «передовымъ генераломъ», а не государемъ императоромъ.

Однако, вскорѣ послѣ «передового генерала» изволилъ прибыть и самъ государь императоръ вмѣстѣ со свитой, ѣхавшей въ нѣсколькихъ экипажахъ за государемъ.

По живой улицѣ, образовавшейся изъ двухъ плотныхъ стѣнъ народа, стоявшаго по сторонамъ дороги, государь императоръ ѣхалъ тихо, шагомъ и отвѣчалъ на низкіе поклоны народа легкимъ наклоненіемъ головы то въ ту, то въ другую сторону. При самомъ въѣздѣ народъ встрѣтилъ государя громкимъ крикомъ ура.

Въѣздъ императора въ Якшуръ-Бодью произошелъ около 12-ти часовъ. Проѣхавъ въ этотъ день отъ села Дебесъ, въ которомъ онъ ночевалъ, болѣе 80-ти верстъ, онъ, по всей вѣроятности, весьма утомился и нуждался въ отдыхѣ. Тотчасъ по въѣздѣ въ Якшуръ-Бодью его величеству благоугодно было отправиться прямо на приготовленную для него квартиру, у воротъ которой онъ былъ встрѣченъ хозяиномъ дома Иваномъ Герасимовымъ и женой его Еленой Ивановой съ хлѣбомъ и солью, милостиво принятыми государемъ.

Въ домѣ Ивана Герасимова Александръ Павловичъ изволилъ сначала кушать чай или кофе, подносимый будто бы хозяйкой дома Еленой Ивановой.

Тотчасъ же послѣ чая начался завтракъ, приготовленный походнымъ поваромъ государя императора, пріѣхавшимъ сюда задолго впередъ государя, въ тотъ же ли день рано утромъ, или вечеромъ наканунѣ — не выяснилось.

Еще во время чая или во время завтрака, за которымъ Елена Иванова тоже удостоилась счастія прислуживать государю императору, онъ изволилъ благосклонно и милостиво разговаривать съ нею. Все же семейство и мужъ Елены въ то время стояли про-

тивъ дверей въ сосѣдней комнатѣ, двери въ которую все время не были затворены. Тамъ же находился и 12-ти лѣтній Тимоѳей.

— Зачѣмъ ты носишь деньги на груди?—изволилъ обратиться Александръ Павловичъ съ вопросомъ къ Еленѣ Ивановой.

— Вотъ, вѣдь, всѣ вы, вотскія женщины, много портите серебряныхъ денегъ пробиваньемъ на нихъ отверстій. Вамъ развѣ не жалко портить деньги?—продолжалъ спрашивать государь.

— Тебя, нашъ царь батюшка, любимъ, вотъ потому и деньги носимъ на груди. Вѣдь на многихъ деньгахъ есть твое царское лицо, на деньгахъ написанъ ты, царь батюшка,— смѣло и находчиво отвѣтила хозяйка.

Этотъ находчивый отвѣтъ простой, неграмотной вотской женщины чрезвычайно понравился Александру Благословенному, а потому онъ изволилъ весьма щедро наградить ее, приказавъ кому слѣдуетъ выдать Еленѣ Ивановой сто серебряныхъ рублевиковъ. Кромѣ того, по желанію и приказанію государя императора еще выдано было пятьдесятъ рублей хозяйской дочери Аннѣ на приданое, такъ какъ послѣдняя въ то время была просватанною невѣстой.

Наградивъ такъ щедро Елену Иванову съ дочерью, государь императоръ въ заключеніе сказалъ хозяйкѣ:

— Вотъ дарю вамъ съ дочерью полтораста рублей. Берегите эти деньги, носите ихъ и помните меня...

Послѣ завтрака государь императоръ изволилъ отправиться на свѣжихъ лошадяхъ въ Ижевской оружейный заводъ, пробывъ въ Якшуръ-Бодьѣ всего около двухъ часовъ. Это было 3-го октября 1824 года.

Чрезъ три дня, 6-го октября утромъ, обратно изъ Ижевскаго завода государь императоръ прослѣдовалъ опять чрезъ Якшуръ-Бодью, направляясь въ городъ Глазовъ, а далѣе въ Вятку и другіе города. Въ этотъ день здѣсь была только короткая остановка для перемѣны лошадей, во время которой государь не выходилъ даже изъ экипажа.

II.

Вскорѣ послѣ проѣзда чрезъ Якшуръ-Бодью государя императора Иванъ Герасимовъ съ женой Еленой Ивановой въ благодарность за полученную награду отъ великодушнаго и милостиваго монарха, а главнымъ образомъ потому, что Александръ Павловичъ такъ милостиво изволилъ разговаривать съ ними,—рѣшили увѣковѣчить драгоцѣнную память о краткомъ пребываніи въ ихъ скромномъ домѣ августѣйшаго гостя, безконечно осчастливившаго ихъ семейство. Съ этою цѣлью они заказали въ Ижевскомъ заводѣ какому-то мастеру приготовить мѣдную доску съ приличествующею случаю надписью. Доска скоро была изготовлена. Герасимовы по-

вѣсили ее на видномъ мѣстѣ въ горницѣ своего дома, гдѣ она и находилась до смерти Елены Ивановой, умершей въ семидесятыхъ годахъ.

Находясь въ домѣ Герасимовыхъ, доска эта много разъ подавала поводъ къ воспоминаніямъ и безконечнымъ разсказамъ о проѣздѣ Александра Благословеннаго.

Послѣ же смерти Елены Ивановой дѣти ея пожертвовали эту доску въ церковь, гдѣ она и провалялась нѣсколько лѣтъ то въ сторожкѣ, то на колокольнѣ, между другими церковными вещами и старыми иконами. Долго на нее никто не обращалъ никакого вниманія. Только спустя много лѣтъ, одному изъ церковныхъ старостъ [1]) села Якшуръ-Бодьи пришла мысль поставить у дороги противъ церкви столбъ, а въ него вдѣлать и ту доску, чѣмъ ей «безъ пути» таскаться. У дороги всякій, кому бы ни пришло желаніе и охота, прочитаетъ, что написано на доскѣ; всякій узнаетъ, что когда-то «при дѣдахъ» изволилъ осчастливить жителей Якшуръ-Бодьи своимъ двукратнымъ проѣздомъ и двухъ-часовымъ пребываніемъ Александръ Благословенный.

Лѣтъ 12 — 15 тому назадъ эта мысль и была приведена въ исполненіе. Стараніями причта и старосты поставленъ у дороги съ восточной стороны церкви деревянный столбъ. Вверху его, подъ самой крышей, съ восточной стороны, помѣщается образъ святителя Николая Мирликійскаго Чудотворца. Немного ниже иконы находится для добровольныхъ пожертвованій церковная кружка. А еще ниже привинчена мѣдная доска съ вычеканенною на ней надписью. Такимъ образомъ получился памятникъ, хотя и нехудожественный, незатѣйливый и небогатый, но все же памятникъ о рѣдко выпадающемъ на долю захолустныхъ подданныхъ посѣщеніи ихъ царя батюшки.

Приводимъ и самую надпись, сохраняя буквальную орѳографію, количество строкъ и размѣщеніе словъ по строкамъ:

1824-го года Осщастливилъ Сію Деревню, И Посвятилъ Своимъ Монаршескимъ Проездомъ два раза въ 1-ой путь 3-го Октября въ Ижевской Заводъ и Обратно 6-го Октября въ Семъ Жилище изволилъ Кушать и 2 часа имелъ свое Пре-

[1]) Церковному старостѣ И. З. Ходыреву. Впрочемъ, скончавшійся въ 1895 г., священникъ П. В. Ардашевъ оспаривалъ это показаніе, утверждая, что иниціатива постановки столба принадлежала ему, Ардашеву, а староста принималъ только дѣятельное участіе въ постановкѣ памятника. Этотъ же священникъ увѣрялъ, что мѣдная доска была пожертвована въ церковь до своей смерти самой Еленой Ивановой изъ опасенія, чтобы сынъ ея Тимоѳей, который велъ въ то время разгульную жизнь, непридумалъ промотать и эту доску.

бываніе Наградилъ Хозяйку дома
100 рублей а дочере аннѣ 50 рублей
Пожаловать изволилъ Кто непорадуется Такой Милостивой руке и наградѣ, Монарха Русскаго, и Великаго АЛЕКСАНДРА
Перваго всѣ русскіе Соотчици Плещите Дланьми и Кричите ему.
ура Сецарь Нашъ Миренъ Кротокъ насъ Посѣщаетъ въ Отдаленной Сторонѣ.

Хотя по смыслу надписи можно заключить, что государь императоръ останавливался въ Якшуръ-Бодьѣ для отдыха и завтрака въ обратный путь—6-го октября, въ дѣйствительности же это произошло въ передній путь—3-го октября. Очевидно, что авторъ надписи не сумѣлъ или же пренебрегъ болѣе правильною разстановкой знаковъ препинанія, какъ, напримѣръ, не поставилъ знака точки послѣ словъ — «6-го октября», отчего и получился превратный смыслъ.

Устроители этого незатѣйливаго памятника не ошиблись въ расчетахъ. Дѣйствительно, почти всякій крестьянинъ, ѣдущій или идущій мимо памятника, не преминетъ остановиться, снять шапку, набожно перекреститься, достать изъ кармана и опустить въ кружку свою трудовую, потомъ добытую лепту. Грамотные въ этихъ случаяхъ непремѣнно прочитываютъ и самую надпись на доскѣ.

III.

Прошло послѣ описаннаго событія слишкомъ двѣнадцать лѣтъ, и весной 1837 года жители Якшуръ-Бодьи и прочихъ селеній опять узнали, что чрезъ это селеніе имѣетъ прослѣдовать въ Ижевскій заводъ его императорское высочество наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

Начальство и на этотъ разъ, какъ и въ проѣздъ Александра Благословеннаго, на случай остановки наслѣдника цесаревича, отвело квартиру въ Яшкуръ-Бодьѣ и опять въ домѣ Ивана Герасимова, которую хозяевамъ и приказано было содержать въ должной чистотѣ и опрятности. Также соблюдалась чистота и на улицѣ во всей деревнѣ: съ улицы всякій соръ и навозъ ежедневно подметался и вывозился на поля.

Въ этотъ разъ жителямъ, кромѣ того, внушено было, чтобы и сами они одѣлись попраздничному, вообще чище и наряднѣе.

Такъ какъ въ разныхъ мѣстахъ народъ, будто бы, просилъ у начальства позволенія подходить близко къ дорогѣ, по которой

нужно было проѣзжать государю наслѣднику цесаревичу, а также и къ мѣстамъ его остановокъ въ селеніяхъ, то эта просьба народа была уважена, а потому повсюду объявлялось не задолго до проѣзда его о томъ, что всѣ жители, желающіе видѣть наслѣдника русскаго престола и будущаго русскаго монарха, могутъ свободно подходить ко всѣмъ мѣстамъ его остановокъ и къ дорогѣ.

Что касается подготовки лошадей, то въ этотъ разъ она совсѣмъ не практиковалась, и потому, кажется, что заниматься этимъ было рѣшительно некогда, такъ какъ въ маѣ почти вездѣ происходитъ сѣвъ яровыхъ хлѣбовъ.

Въ день прибытія государя наслѣдника, 21-го или 23-го мая, всѣ жители Якшуръ-Бодьи и другихъ селеній еще съ утра собрались въ Якшуръ-Бодью, разодѣвшись въ болѣе нарядныя и лучшія одежды.

Весь собравшійся народъ, мужчины и женщины, старые и молодые, столпился къ дому Ивана Герасимова и тутъ терпѣливо ожидалъ наслѣдника цесаревича до самаго вечера.

Александръ Николаевичъ, сопровождаемый свитой, изволилъ прибыть изъ Чутыря въ Якшуръ-Бодью только въ седьмомъ или восьмомъ часу вечера. Народъ встрѣтилъ его криками «ура».

По улицѣ онъ, а за нимъ и свита его, ѣхалъ тихо, медленно; по обѣимъ сторонамъ пути стоялъ двумя плотными стѣнами народъ, низко кланявшійся проѣзжавшему наслѣднику цесаревичу и его свитѣ, и съ благоговѣніемъ и любопытствомъ смотрѣвшій на своего будущаго монарха.

Когда государь наслѣдникъ поровнялся съ домомъ Ивана Герасимова, ему кто-то изъ свиты сообщилъ, что въ этомъ домѣ останавливался и изволилъ завтракать въ 1824 году его августѣйшій дядя, въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ Павловичъ.

Тогда наслѣдникъ цесаревичъ приказалъ остановиться, пожелавъ узнать, есть ли кто нибудь изъ жителей селенія или изъ членовъ семьи Ивана Герасимова, которые помнили бы Александра Благословеннаго.

Далѣе считаемъ болѣе удобнымъ привести почти буквальный разсказъ очевидца этого событія, Тимоѳея Иванова Бигенея, старшаго сына Ивана Герасимова.

— У насъ въ домѣ еще задолго впередъ говорили, что царь батюшка наслѣдникъ, можетъ, захочетъ зайти въ нашъ домъ, хотя ему и не нужно было останавливаться въ Якшуръ-Бодьѣ, только нужно было другихъ лошадей запрячь. Вотъ поэтому я и вся наша семья въ тотъ день, когда проѣзжалъ царь наслѣдникъ, изъ дому на улицу почти не выходили смотрѣть, какъ онъ пріѣдетъ. Мы больше дома сидѣли и ждали. Еще съ утра моя мать припасла каравай хлѣба и соль, чтобы поднести ихъ государю наслѣднику.

Ждали больно долго. Почти весь день прошелъ, а государь наслѣдникъ все не ѣдетъ. Да ужъ не задолго до заката солнышка мы услышали, что сначала народъ замолчалъ, а потомъ и закричали «ура». Вскорѣ послѣ этого въ окно мы увидали, что государь наслѣдникъ остановился противъ нашего дома, и вышелъ изъ своей кареты, а за нимъ и всѣ генералы. Потомъ государь наслѣдникъ вмѣстѣ со всѣми генералами зашли къ намъ въ домъ.

Мать моя взяла хлѣбъ и соль и поскорѣе пошла встрѣчать государя. Онъ хлѣбъ и соль принялъ и велѣлъ отнести въ карету. А прежде онъ отломилъ отъ хлѣба небольшой кусочекъ и съѣлъ его.

Послѣ этого онъ увидалъ у насъ на стѣнѣ мѣдную доску, на которой все очень хорошо было прописано, когда и сколько времени былъ въ Якшуръ-Бодьѣ и у насъ въ домѣ царь батюшка Александръ Павловичъ.

И сталъ тогда царь батюшка наслѣдникъ читать, что было написано на той доскѣ. А когда все прочиталъ, отошелъ отъ доски и началъ разговаривать съ моей матерью.

Онъ сперва спросилъ ее:

— Всѣ ли, говоритъ, живы у васъ въ семействѣ тѣ люди (члены семьи), которымъ посчастливилось видѣть блаженной памяти моего дядю, государя императора Александра Павловича?

— Нѣтъ, царь батюшка наслѣдникъ, не всѣ живы,—отвѣтила государю наслѣднику моя мать.—Мужъ мой недавно умеръ, а я теперь живу одна съ дѣтьми, сама хозяйничаю.

Послѣ этого разговора государь наслѣдникъ увидалъ на другой стѣнѣ гусли, на которыхъ я прежде больно хорошо и много игралъ. Играть на нихъ я шибко любилъ.

Такъ вотъ и увидалъ царь батюшка наслѣдникъ мои гусли и спрашиваетъ мою мать:

— А кто это у васъ на гусляхъ играетъ?

Какъ онъ это сказалъ, тогда я больно испугался. Я думалъ, что мнѣ за это что нибудь да будетъ неладно, не хорошо. Ума, видно, тогда у меня мало было. И такъ я струсилъ, что руки и ноги у меня совсѣмъ задрожали.

А мать моя тогда сказала ему:

— А это играетъ на гусляхъ мой старшій сынъ—Тимоѳей.

Ну, тогда я, теперь ужъ совсѣмъ не помню, какъ вышелъ изъ другой нашей комнаты, изъ которой мы смотрѣли на государя наслѣдника. Ну, вотъ вышелъ и скорѣе низко поклонился ему, а самъ сначала хотѣлъ падать ему въ ноги, да опять побоялся—не знаю еще, ладно ли, думаю, такъ-то будетъ. Поклонился, а потомъ скоро осмѣлился и сказалъ:

— Это я, царь батюшка наслѣдникъ, играю на гусляхъ.

А онъ поглядѣлъ на меня и началъ спрашивать:

— Когда же ты, молодецъ, на гусляхъ играешь?.. Не всегда же игрой только занимаешься?

— Нѣтъ, государь царь батюшка: я играю только по праздникамъ, когда мы совсѣмъ не работаемъ. А когда у насъ праздника нѣтъ, тогда мы все что нибудь работаемъ, и играть тогда я не играю,—некогда.

— Какіе же у васъ здѣсь бываютъ праздники? — опять спрашиваетъ государь наслѣдникъ.

— А вотъ, говорю я ему, скоро будетъ Петровъ день. Потомъ осенью придетъ Покровъ, а еще послѣ него Николинъ день. Потомъ ужъ зимой—Рождество, масляница. А тутъ скоро послѣ масляницы праздникъ Пасха бываетъ. Вотъ въ эдакіе-то большіе праздники я и играю на гусляхъ. Тогда мы всѣ, вотяки, ходимъ изъ одного дома въ другой домъ, гуляемъ, — пируемъ, значитъ, пьемъ кумышку. Тогда бываетъ весело, тогда я и играю.

Такъ разсказывалъ я.

— А сѣешь ли ты хлѣбъ?

— Сѣю.

— Ну, хорошо. Теперь пойди, поиграй, молодецъ, а мы послушаемъ,—сказалъ онъ.

Я хоть и больно боялся идти мимо государя, а ужъ если онъ велѣлъ играть, такъ нельзя было не идти за гуслями. Я поскорѣе подошелъ, снялъ со стѣны гусли, опять отошелъ на свое прежнее мѣсто къ двери и подальше отъ государя наслѣдника и началъ стоя играть. Ну, а стоя-то играть на гусляхъ больно не хорошо, а то, пожалуй, нужно сказать, что и совсѣмъ нельзя. Да я все еще боялся, а оттого и руки-то дрожатъ. И гусли держать тяжело и больно неловко. А сѣсть боюсь.

А государь наслѣдникъ, видно, понялъ, что такъ нельзя играть, да и говоритъ:

— Ты, молодецъ, давай садись вотъ тутъ, да тогда ужъ и играй!

Онъ показалъ мнѣ на крайній стулъ, куда нужно было сѣсть.

Хоть я и сѣлъ, и началъ было играть послѣ того, да руки все еще трясутся, такъ и дрожатъ, и пальцы не тѣ струны захватываютъ. А отъ этого я и игралъ больно плохо. Самъ думаю, что такъ играть совсѣмъ не годится, а направиться никакъ не могу. Не знаю, что и было бы.

А въ то время царь наслѣдникъ налилъ, самъ налилъ,—не то, чтобы тамъ какому ни на есть генералу велѣлъ налить, а самъ налилъ вина въ золотой стаканчикъ. Да, вѣдь, и бутылка-то, изъ которой онъ наливалъ вино, тоже была вся золотая [1]), ну, и ста-

[1]) Слова «весь золотой», относящіяся какъ къ бутылкѣ, такъ и къ ларцу, о которомъ говорится дальше, слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ смыслѣ, что они приготовлены изъ золота, а лишь въ томъ смыслѣ, что они, бутылка и ларецъ, имѣли блестящую и красивую и, быть можетъ, золотистую внѣшность.

канъ тоже весь золотой. Потомъ онъ велѣлъ мнѣ пить изъ этого стакана. Мнѣ хоть и страшно было, а выпить царскаго вина шибко захотѣлось. Я тихонько выпилъ вино, а стаканчикъ поставилъ поскорѣе на столъ. А когда ставилъ, такъ больно боялся — не уронить бы его какъ нибудь, да не испортить бы. Потомъ государь наслѣдникъ налилъ еще другой стаканчикъ и опять велѣлъ мнѣ выпить. Этотъ, другой-то, стаканъ я ужъ пилъ много смѣлѣе.

А послѣ этого онъ опять приказалъ мнѣ садиться и играть на гусляхъ. Ну, отъ вина я сталъ веселѣе и бояться почти пересталъ. И началъ послѣ этого играть всякія русскія и вотскія веселыя пѣсни, какія только умѣлъ играть.

Я играю, а государь наслѣдникъ въ это время ходитъ, все ходитъ по горницѣ. Вѣдь, когда кто нибудь играетъ на гусляхъ, такъ тогда больно хорошо ходить — весело, и сидѣть тогда совсѣмъ не хочется. Ну, вотъ и царь батюшка наслѣдникъ въ то время былъ больно веселый и все ходитъ.

Ходитъ, а самъ разговариваетъ что-то съ своими генералами. А я хотя и больно хорошо зналъ говорить порусски, а тутъ совсѣмъ ничего не понималъ, объ чемъ они, государь наслѣдникъ и генералы, промежъ себя разговариваютъ. Стало быть, про себя думалъ я тогда, государь наслѣдникъ умѣетъ говорить съ генералами еще и понѣмецки.

Ужъ долго ли, нѣтъ ли я игралъ, а только ужъ началъ опять бояться, что скоро устану и больше играть не смогу, а государь разсердится за это на меня.

Но тутъ онъ скоро послалъ куда-то одного «генерала». «Генералъ» этотъ вышелъ изъ дома и пошелъ на улицу, а тамъ въ то время запрягали въ кареты другихъ лошадей. Потомъ «генералъ» скоро воротился. Онъ принесъ тогда съ собой небольшой сундукъ— «весь золотой» [1]).

Тогда государь наслѣдникъ сказалъ мнѣ:

— Ты, молодецъ, хорошо играешь на гусляхъ. Теперь будетъ, мы довольно наслушались.

Я больно былъ радъ, что государь наслѣдникъ похвалилъ меня. Всталъ и хотѣлъ поскорѣе идти. А онъ подозвалъ меня къ сундуку, а самъ взялъ тогда ключъ и сталъ отпирать этотъ сундукъ. Вотъ гляжу я, а онъ ключъ вставляетъ не съ боку, а сверху сундука—въ крышку. Да и замокъ въ этомъ сундукѣ былъ такой хитрый, что когда государь наслѣдникъ отпиралъ сундукъ, такъ такая музыка пошла,—ну, все одно, что на соборѣ (т. е. на соборной или вообще на церковной колокольнѣ) звонятъ или все одно, какъ въ органъ играютъ.

---

[1]) Конечно, въ словахъ Бигенея есть преувеличеніе, но они показываютъ, что музыка замка понравилась ему также, какъ стройный колокольный звонъ, тѣмъ болѣе, что онъ, вѣроятно, слышалъ ее въ первый разъ.

Когда онъ открылъ сундукъ, тогда началъ показывать мнѣ все, что только было въ этомъ сундукѣ. Гляжу я, а сундукъ весь разгороженъ на много маленькихъ ящиковъ. И во всѣхъ этихъ ящикахъ лежатъ всякія разныя деньги и такъ, что въ одномъ ящикѣ однѣ, а въ другомъ другія—одинаковыя по «росту».

Потомъ государь наслѣдникъ сталъ меня спрашивать сперва про серебряныя деньги:

— А знаешь ли ты, молодецъ, какія вотъ эти деньги?—и онъ показалъ мнѣ ящики, въ которыхъ лежало серебро.

— Это вотъ гривенники, а это вотъ пятіалтынные, это двугривенные; а эти побольше полтинники, а вотъ эти самыя большія,— рублевики, все разсказалъ я ему.

Послѣ этого государь наслѣдникъ также спросилъ меня про бумажныя деньги, и я опять все разсказалъ ему правильно. И прежде этого я видалъ много бумажныхъ денегъ, ну, и всѣ зналъ ихъ.

А послѣ этого государь наслѣдникъ опять сталъ спрашивать про желтыя деньги, видно золотыя.

— А вотъ это какія деньги?

— Этихъ, царь батюшка наслѣдникъ, я и совсѣмъ не знаю. Въ нашей деревнѣ ни у кого такихъ денегъ никогда не бываетъ. Да и въ Ижевскомъ заводѣ также такихъ денегъ я никогда не видывалъ.

Тогда онъ самъ мнѣ разсказалъ:

— Эти монеты золотыя—эти по пяти, а эти по десяти рублей.

Потомъ онъ взялъ одну синенькую бумажку, отдалъ ее мнѣ и сказалъ:

— Возьми себѣ, молодецъ, эту бумажку.

Я больно обрадовался, взялъ и низко поклонился ему.

А онъ еще спросилъ:

— А есть ли у тебя, молодецъ, жена?

Ну, а я ужъ въ то время былъ женатъ и сказалъ:

— Есть, царь батюшка наслѣдникъ.

Тогда онъ говоритъ:

— Такъ ты, молодецъ, возьми эти деньги и отдай ихъ своей женѣ и вели ей купить на нихъ себѣ платье.

Послѣ этого государь наслѣдникъ позвалъ мать мою и далъ ей пятьдесятъ рублей.

А потомъ ужъ государь со всѣми своими «генералами» собрались совсѣмъ уходить изъ нашего дома. А когда государь выходилъ, такъ сначала взглянулъ въ другую нашу избу, въ которой въ то время была вся наша семья. Тамъ же стояла и жена моя. Вся наша семья поклонилась государю наслѣднику. А онъ тоже имъ поклонился. А говорить не сталъ, да всѣ остальные въ нашей семьѣ совсѣмъ плохо говорили порусски.

Послѣ этого государь наслѣдникъ совсѣмъ ужъ вышелъ отъ насъ.

Намъ всѣмъ было жалко его. Мнѣ тоже больно жалко стало, что

царь наслѣдникъ такъ скоро ушелъ отъ насъ. Все бы еще на него смотрѣлъ, и все бы съ нимъ разговаривалъ. Онъ вѣдь такой добрый. Тогда я ужъ совсѣмъ пересталъ его бояться и больно любилъ его. Когда онъ былъ у насъ, такъ мнѣ было хорошо, весело, я радъ былъ, когда онъ похвалилъ меня за игру на гусляхъ. Радъ былъ, когда онъ далъ мнѣ пять рублей. Этотъ день для меня такой большой праздникъ былъ, какого больше и во весь-то вѣкъ не бывало. Вотъ я и помню все и никогда не забуду.

А когда царь батюшка наслѣдникъ ушелъ отъ насъ съ генералами, такъ еще не сразу уѣхалъ. Какъ только онъ вышелъ на улицу, то увидалъ рядомъ съ нашимъ домомъ маленькую и плохую избу и спросилъ стариковъ:

— Чей этотъ домъ?

Ему сказали, что въ этой избѣ живетъ бѣдный вотякъ. Это жилъ сосѣдъ нашъ. Звали его Исакъ Матвѣевъ. Онъ былъ мужикъ бѣдный и жилъ въ старомъ, плохомъ домѣ. У него была полна изба ребятъ, а работать было некому, только самъ онъ работалъ, да жена его.

Государь наслѣдникъ не поглядѣлъ, что домъ у него плохой и старый, и зашелъ въ избу къ Исаку Матвѣеву. Потомъ вышелъ отъ него и совсѣмъ собрался ѣхать. Сѣлъ въ свою «карету», а за нимъ и всѣ «генералы» усѣлись по своимъ «каретамъ» и поѣхали. Улицей сначала ѣхали потихоньку. А когда отъѣхали къ лѣсу, тогда и погнали ходко въ Ижевской заводъ.

Послѣ того, какъ государь наслѣдникъ уѣхалъ совсѣмъ, на улицу вышелъ и Исакъ и сталъ разсказывать всѣмъ, зачѣмъ заходилъ къ нему государь наслѣдникъ. Исакъ радовался и говорилъ, что государь наслѣдникъ далъ ему пятьдесятъ рублей денегъ.

Онъ говорилъ, что государь наслѣдникъ какъ только пришелъ къ нему въ избу, то спросилъ:

— Отчего ты, мужичекъ, живешь такъ бѣдно и въ такомъ плохомъ домѣ?

А Исакъ отвѣчалъ ему:

— У меня, царь батюшка, семья больно большая, дѣтей много, а работать могу только я одинъ, да жена немного помогаетъ мнѣ въ работѣ. Домъ новый поставить силы не хватаетъ, а денегъ нѣтъ.

Тогда государь наслѣдникъ и далъ ему пятьдесятъ рублей, да и сказалъ:

— Вотъ возьми себѣ, мужичекъ, отъ меня пятьдесятъ рублей, да постарайся какъ нибудь поправить на нихъ свой домъ и все хозяйство.

Этими словами обыкновенно Бигеней и заканчивалъ свой разсказъ, и на лицѣ его тогда можно бывало прочесть грустное сожалѣніе о прошломъ времени. Случалось, что старикъ разсчувствуется до слезъ, съ которыми и окончитъ свои повѣствованія.

IV.

Привожу также разсказъ другого очевидца о проѣздѣ государя наслѣдника Алекеандра Николаевича.

Однажды старикъ вотякъ возилъ насъ въ Ижевской заводъ. Рѣчь съ нимъ зашла о дорогѣ. Онъ сталъ припоминать, какова дорога бывала въ разное время въ продолженіе его жизни. Между прочимъ говорилъ, что лѣтъ 60—70 тому назадъ по этой дорогѣ ѣздить было одно мученье.

— Да хорошо еще, что вздумалъ въ ту пору царь поѣхать въ Ижевской заводъ чрезъ Якшуръ-Бодью. Ну, тогда и прочистили шире дорогу, съ тѣхъ поръ она и стала такой, какая теперь есть.

— А ты, старикъ, самъ-то тогда видѣлъ царя или нѣтъ?—спрашиваемъ его.

— Нѣтъ, я тогда совсѣмъ еще не былъ роженъ, а, можетъ, и роженъ, да малъ былъ. А вотъ сына того царя пришлось увидѣть. Онъ лѣтъ черезъ десять ли, пятнадцать ли, послѣ самого царя-то проѣзжалъ здѣсь, когда еще не царемъ, а наслѣдникомъ былъ.

— Нѣтъ, старикъ, то не сынъ былъ, а племянникъ бывшаго здѣсь императора Александра Павловича. Его звали Александромъ Николаевичемъ.

— Ну, можетъ, и такъ. Спорить не буду, вамъ больше знать. Такъ вотъ его-то я и видѣлъ.

— Гдѣ же ты его видѣлъ—въ Якшуръ-Бодьѣ, или у себя дома, въ деревнѣ Якшурѣ?

— Да, въ Якшурѣ. Ну, хоть тогда всѣ знали и раньше, что будетъ проѣзжать наслѣдникъ русскаго царя, а въ какой день и утромъ, али вечеромъ, этого толкомъ-то и не знали. А тутъ въ одинъ день, около Троицы, али на Троицѣ—не помню хорошенько, всѣ стали говорить, что сегодня проѣдетъ наслѣдникъ. Вотъ поэтому всѣ большіе, мужики и бабы, парни и дѣвки, еще утромъ ушли въ Якшуръ-Бодью. А дома въ деревнѣ оставались только старики, старухи, да мы, малые ребята.

А намъ чего ребятамъ дѣлать—играемъ на улицѣ, да бѣгаемъ. Ну, а сами все-таки поглядываемъ же на дорогу—не ѣдетъ ли, молъ, царь наслѣдникъ. А вы, вѣдь, знаете—дорога отъ Чутыря идетъ къ Якшуру все подъ гору. Пожалуй, на двѣ версты видать дорогу. Ну, играли, играли. Нѣтъ, все не ѣдетъ наслѣдникъ. Ужъ мы всяко наигрались. Ѣсть захотѣли. Сходили домой, наѣлись и опять на улицу играть. И опять долго никого не было. Да только ужъ подъ вечеръ ребята ли, старики ли увидѣли, что кто-то по дорогѣ ѣдетъ и много. Глядимъ и мы, а съ горы ужъ начали спускаться и совсѣмъ ужъ недалеко отъ Якшура. Тутъ которые и закричали:

— Лыктэ! лыктэ! Царь мынэ! Царь мынэ! (Идите! идите! Царь ѣдетъ! Царь ѣдетъ!)

Тутъ всѣ, какой народъ оставался дома, всѣ повысыпали на улицу и побѣжали къ полевымъ воротамъ, въ которые нужно было проѣхать наслѣднику. Только мы прибѣжали къ воротамъ, и скоро ужъ кареты въѣхали въ улицу. Каретъ было три или четыре, а, можетъ, и больше. Въ каретахъ было запряжено, гдѣ четыре, гдѣ пять, а то и шесть лошадей.

— Ну, вотъ смотримъ, а наслѣдникъ молоденькій, весь въ бѣлой одеждѣ, только сапоги черные. А фуражка, что-то не помню, какая была.

— А какъ же ты, старикъ, узналъ его? Онъ развѣ въ первой каретѣ одинъ ѣхалъ?

— Какъ узналъ, говоришь? Да я и вовсе его не зналъ. И теперь не знаю,—который наслѣдникъ, а помню хорошо, все одно, что сейчасъ вижу. Видишь ли какъ было: ихъ въ одной каретѣ сидѣло двое. Ну, кое-кто и говорятъ: вотъ это наслѣдникъ, и показали ту карету, въ которой ѣхало двое. Ну, ѣдутъ они, оба молодые, ни бороды, ни усовъ я не замѣтилъ; оба они въ бѣлыхъ, ну, все одно, что снѣгъ, одеждахъ. И ростомъ какъ будто ровны. Какъ тутъ узнаешь, который наслѣдникъ, который нѣтъ. Такъ я и не узналъ, да больно-то и не доспрашивалъ—малъ еще былъ.

Ну, пока всѣ ѣхали они тихо по улицѣ и все смотрѣли по сторонамъ на народъ, и все что-то разговаривали между собой. А тихо ѣхали, видно, затѣмъ, что улицей приходится съѣзжать все подъ горку, такъ, можетъ, боялись, чтобы лошади не разнесли, да не ушибли бы кого нибудь, или не сломали бы кареты. А, можетъ, хотѣлось имъ и на народъ поглядѣть и чтобы попуще было видно ихъ самихъ народу. А въ то время весь народъ, а пуще всего мы, малые ребята, все за наслѣдникомъ бѣжимъ. Да такъ и проводили далеко въ поле за деревню. Которые еще побѣжали и въ Якшуръ-Бодью. Ну, а я туда не ходилъ, ужъ не знаю почему.

Послѣ въ народѣ говорили, когда всѣ пришли изъ Якшуръ-Бодьи, что наслѣдникъ пробылъ тамъ порядочно. Заходилъ въ домъ Ивана Герасимова, разговаривалъ съ его хозяйкой и съ сыномъ Тимоѳеемъ и заставлялъ его, сказываютъ, играть на гусляхъ и угостилъ его своимъ хорошимъ, дорогимъ виномъ. А когда уходилъ отъ нихъ, далъ хозяйкѣ пятьдесятъ рублей ассигнаціями, да сыну пять рублей.

А потомъ заходилъ къ сосѣду Бигенеевъ, къ бѣдному мужику—Исаку Матвѣеву.

А Исакъ былъ крестьянинъ плохой и, пожалуй, безтолковый. Наслѣдникъ и пожалѣлъ его, бѣднягу, да и придумалъ помочь ему, чтобы онъ житьемъ-то своимъ поправился немного. Поэтому хотѣлъ дать ему шибко много денегъ. Однако, не спроста и зря—отсчитать

деньги да и дать. Нѣтъ, наслѣдникъ придумалъ дать Исаку такихъ денегъ, которыя онъ только самъ узнаетъ, а которыхъ не сможетъ узнать, такъ тѣхъ не давать. Это, видно, для того, чтобы послѣ кто нибудь не обманулъ Исака, и не ушли бы наслѣдниковы денежки безъ всякаго толку и безъ пользы.

Тогда и сталъ наслѣдникъ показывать Исаку всѣ свои деньги, какія случились у него въ ту пору. Покажетъ и спроситъ:

— Знаешь ли ты, мужичекъ, сколько это рублей? ежели показывалъ бумажку или золотушку. А какъ серебро показывалъ, такъ спрашивалъ:

— Сколько это копеекъ?

А мѣдныя деньги, что-то не знаю, показывалъ ли, нѣтъ ли.

Ну, Исакъ и скажетъ, если знаетъ сколько:

— Знаю: пять рублей, три рубля. Или: двадцать копеекъ, полтина.

Такую бумажку, али деньгу наслѣдникъ и отложитъ въ сторонку.

А про которую Исакъ скажетъ: «не знаю, не видалъ»,—такъ ту бумажку наслѣдникъ кладетъ обратно въ свою шкатулку. А давалъ онъ только по одной бумажкѣ отъ всякаго сорта.

Когда наслѣдникъ такъ-то всѣ деньги переказалъ, такъ и всего-то изъ нихъ Исакъ узналъ только на пятьдесятъ рублей. А вотъ если бы онъ потолковѣй былъ, да всѣ бы денежки разузналъ, ну, тогда и получилъ бы, можетъ статься, много побольше тыщи, а то, пожалуй, и цѣлыхъ двѣ. Тогда бы онъ сразу могъ сдѣлаться большимъ богатеемъ. А не узналъ, такъ ужъ не взыщи — нѣтъ тебѣ ничего.

— Такъ что же Исакъ поправился или нѣтъ отъ тѣхъ пятидесяти рублей.

— Ну, гдѣ же поправиться: велики ли это деньги для бѣднаго-то мужика? Вѣдь пятьдесятъ рублей «сигнаціями» пононѣшнему... десять рублей—это тридцать пять, да еще... десять, пять — пятнадцать... Да! пятьдесятъ рублей ассигнаціями потеперешнему поменьше пятнадцати рублей, это серебромъ-то. Такъ много ли чего поправишься на нихъ, на пятнадцать-то рублей! А Исакъ былъ долженъ хлѣбомъ сколько-то. Ну, такъ долги роздалъ, да туда, да сюда, на то, да на другое, глядишь, въ недѣлю тѣхъ денегъ и не стало! А вотъ если бы толкъ-отъ у него былъ, да узналъ бы онъ всѣ наслѣдниковы деньги, ну, тогда другое было бы дѣло. Тогда, можетъ, и богаче-то его не было бы у насъ никого. Да и то еще сказать: толковый да бойкій мужикъ проживетъ и безъ чужихъ денегъ и сумѣетъ самъ нажить ихъ, а плохому все мало будетъ, сколько ты ему ни дай. Вотъ и Иванъ Герасимовъ, хоть и заправскій былъ мужикъ, пожалуй, первый богачъ былъ на всю волость, п деньги у него водились, и хлѣба были полны амбары, домъ большой, а какъ самъ-то померъ — все прошло куда-то, совсѣмъ ничего не стало. Сынъ, Тимоѳей, лѣнивъ былъ, да водку любилъ пить. А въ ка-

бакъ денегъ не наносишься, все будетъ мало, сколько ни носи. Ну, такъ и прожилъ все, такъ и прошло все его богатство зря, безъ пользы. Тимоѳей, вѣдь, ужъ совсѣмъ нищимъ умеръ, и схоронили-то его чужіе люди на свое...

Помолчавъ нѣсколько минутъ, ямщикъ прибавилъ:

— Вотъ и про Ивана Герасимова сказывали, что царь денегъ ему больно много далъ и велѣлъ ихъ раздѣлить поровну всѣмъ крестьянамъ. И хоть больно тогда наши старики приставали къ нему, чтобы онъ всѣ царскія деньги оказалъ, да всѣмъ и раздѣлилъ бы ихъ, однако, побились, побились, покрутили, покрутили его, да такъ ничего и не взяли.

— Нѣтъ, старикъ, если бы государь хотѣлъ дать денегъ всѣмъ крестьянамъ, онъ выдалъ бы ихъ кому нибудь изъ начальства и сказалъ бы о томъ крестьянамъ.

— Ну, какъ пустяки, когда объ этомъ такъ говорили?... А начальству что? Оно, можетъ, и знало, да и Иванъ-то Бигеней не дуракъ, вѣдь, тоже былъ: тому, да другому, а тамъ и третьему далъ, ну, и замолчали. Такъ и прошло. Вы, вѣдь, не знаете,— тогда такое уже время было, не бралъ только самый плохой, да, можетъ статься, лѣнивый. Всѣ брали.

Возражать мы больше не стали.

С. Моисеевъ.